5 декабря 2017 года исполняется десять лет со дня кончины митрофорного протоиерея, настоятеля Свято-Никольского храма г. Барнаула, отца Михаила Капранова. Десять лет – это чуть больше, чем тот срок, который отец Михаил отсидел в тюрьме, и чуть меньше, чем период его настоятельства в Никольском храме. Этого расстояния уже достаточно, чтобы человеческие страсти отслоились в осадок и одновременно все стало ясным и четким, как в тихий морозный день

Мы стоим под надзором строгих, как у школьного директора, ликов, ждем чуда воскресения. Самая соль — когда крестный ход заходит с улицы, два светоносных потока (люди со свечками внутри и снаружи) в отражениях окон смешиваются в одну блестящую реку и тебя поднимает над пространством выдохом-окриком: «Христос Воскресе!» Две девочки, Оля и Таня Капрановы, красивые не по-здешнему, по-итальянски, отвечают: «Воистину Воскресе!», — отчаянно громко, как если бы ответить тише, то Пасха не сбудется, так что бабки-свечницы вздрагивают и оборачиваются. До сих пор люблю Пасху больше других праздников, потому что смерть отменили хотя бы на сутки, потому что чудо пассивно и незаслуженно, и пытаюсь ответить свое «Воистину!» также громко, но меня, конечно, не слышат — через столько-то лет и километров. Как-то раз во время одной из таких всенощных меня подловил своим всевидящим оком фотограф Михаил Хаустов. На следующий день киоски были увешаны газетами с моей уставшей от ночного бдения физиономией — Никольская мной гордилась, одноклассники подсмеивались: наша молитвенница. У меня же было ощущение ведомого только мне сокровища, припрятанного до случая в кармане.

Я помню отца Михаила расплывчато, немного в расфокусе, потому что мне было двенадцать, когда его не стало, но мне все больше кажется, что мы настолько условно живые (ну что это за срок — усредненные 70 лет), что нет никакого шанса жить только тем, что тебе современно, соэтапно. В криминалистике есть наука о следах — трасология, но ведь следы бывают не только физические, и однажды растревоженный след человека притягивает за собой такие сложные, как нейросеть, связи, системы, что не выпутаешься, и слава Богу.

Помню человека в очках с толстыми близорукими стеклами, сквозь которые — немного грустные, чуть-чуть с хитринкой, с нерастраченным любопытством глаза вечного студента Шурика из гайдаевской комедии. Он сидел в своей каморке-кабинете под хорами, много писал, еще больше читал, не любил, когда моя мама, церковный бухгалтер, заходя к нему, включала верхний свет (тюремная нелюбовь, там не разрешали выключать), щурился и по-детски сердился, если нужно было подписывать документы. Я как могла пользовалась тем, что была чуть ли не самой младшей дочерью полка в Никольской (все-таки Никольская — в прошлом полковая). Рыдала в кабинете отца Михаила («Ты что, дурак? Дети одни по улицам не ходят», — это он мне предложил уйти домой без мамы, когда мне вдруг захотелось, а ей нужно было работать), рассказывала ему накануне прочитанную и слегка дополненную сказку про батюшку-медведя Михаила Капранова («Тоня, чему это ты ребенка учишь?» — сказка была про Мишеньку-медведя, но в детском сознании все предательски перемешалось), без страха заглядывала в гробы на отпеваниях, незаметно слизывала всю икру

Михаил Сергеевич Капранов (1944–2007). Родился в Горьком (Нижний Новгород). Учился в Горьковском государственном университете им. Н.И. Лобачевского на историческом отделении историко-филологического факультета. В 1970-м приговорен к семи годам лишения свободы по статьям 70 и 72 УК РСФСР за «антисоветскую агитацию». В 1979 году рукоположен в сан священника, служил в Томске, Абакане, Тогуре, Красноярске. С 1989 года жил в Барнауле, с 1996-го — настоятель Свято-Никольской церкви.

с бутербродов для разговения после всенощной и утверждала, что выйду замуж за местного пономаря («Галя, он для тебя старый» — «Ничего, мне тоже скоро шесть»). Иногда отец Михаил в непростые моменты сам звал маму с верхних хоров, посылал за «Ново-пасситом», говорил: «Тонь, ну повесели как-нибудь», и мама, не самая веселая в мире женщина, терялась в бессилии, не зная, что делать с этим человеком, который когда-то сам вытащил ее почти с того света. Мы же не в Германии, где отпевать в самих церквях не принято, чтоб никого не спугнуть, — у нас можно про смерть, даже нужно. Я рано узнала, что люди иногда становятся ангелами: со всех стен дома на меня смотрела с фотографий родная сестра — вечно шестнадцатилетняя.

Потом отец Михаил благословил маму между мной, монастырем и темным тоннелем, за которым — пустота, выбрать меня. Хочу надеяться, что это правильный выбор, отец Михаил не должен был ошибиться.

Вообще, к смерти в Никольской было отношение, как на войне, — без лишнего цинизма и без лишнего трепета, потому что все привыкли и еще знали, что это неприятно, но не навсегда. Когда-то в иконной лавке в церкви висела большая фотография, на которой — парад Барнаульского пехотного полка по случаю 300-летия Дома Романовых на площади возле Никольского храма. Длинная шеренга военных и штатских уходила куда-то в безвозвратную сибирскую зиму, терялась в снегах. Сейчас, когда я перебирала в памяти людей, которые могли бы поделиться воспоминаниями об отце Михаиле, осознала, что треть из них уже никогда не ответит на мои письма, что они просто встали в эту уходящую в вечную зиму шеренгу. Когда в одной барнаульской библиотеке отмечали пятилетие со дня кончины батюшки, после других вышел выступать Александр Михайлович Родионов, известный хитрец и кудесник. Он, в отличие от тонко настроенных прихожан с благодушными отзывами, казался разбойником, говорил, как всегда, остро (чего только стоит: «Отца Михаила осталось только елеем полить, так и совсем святым станет»), но вот теперь уже мы его вспоминаем. Еще на том вечере вспоминали одну женщину. Ее звали Вера Ворсина. Она, талантливый журналист, кроме всего прочего, запомнилась тем, что посетила курс лекций отца Михаила в воскресной школе для взрослых, как двоечник-второгодник, бесчисленное количество раз. Отец Михаил сердился, видя прячущуюся на подоконнике Веру Николаевну: «Вера, ну тебе-то зачем?», но ее можно понять. Мама вспоминает, что огромные потоковые аудитории университета во время лекций батюшки заполнялись до отказа, что, когда начинал говорить отец Михаил, происходила — нет — не магия, конечно (неподходящее слово для данного контекста), но какое-то чудо: время останавливалось, чернила в ручке застывали, студенты, старые прихожанки, бывшие коммунисты превращались в зрение и слух. Это очень редкий дар — заставить людей усомниться в своей системе, нажать на что-то, чтобы эта лестница, если уж не рухнула, то зашаталась, и человек вдруг осознал, что в его картине мира что-то не так, нет какого-то главного звена, электрическая цепь не работает. Отец Михаил мог не то чтобы помочь поверить в Бога (кто бы сомневался, кроме меня), но научить видеть Его во многом, в страшном и сложном в том числе. Может, потому что сам умел видеть Его в мордовском лагере строгого режима, в урывочных свиданиях с тогда еще не матушкой, а просто женой, в бесконечно сменяемых сибирских городах, в смерти детей, своих и не только. Это не очень правильно, что

После рукоположения. 1979. Фото из архива семьи Капрановых

Во время чтения приговора из зала заседаний Михаилу Капранову прилетел букет ландышей. Это был едва ли не единственный случай того времени, когда заключенный отправился на зону с цветами

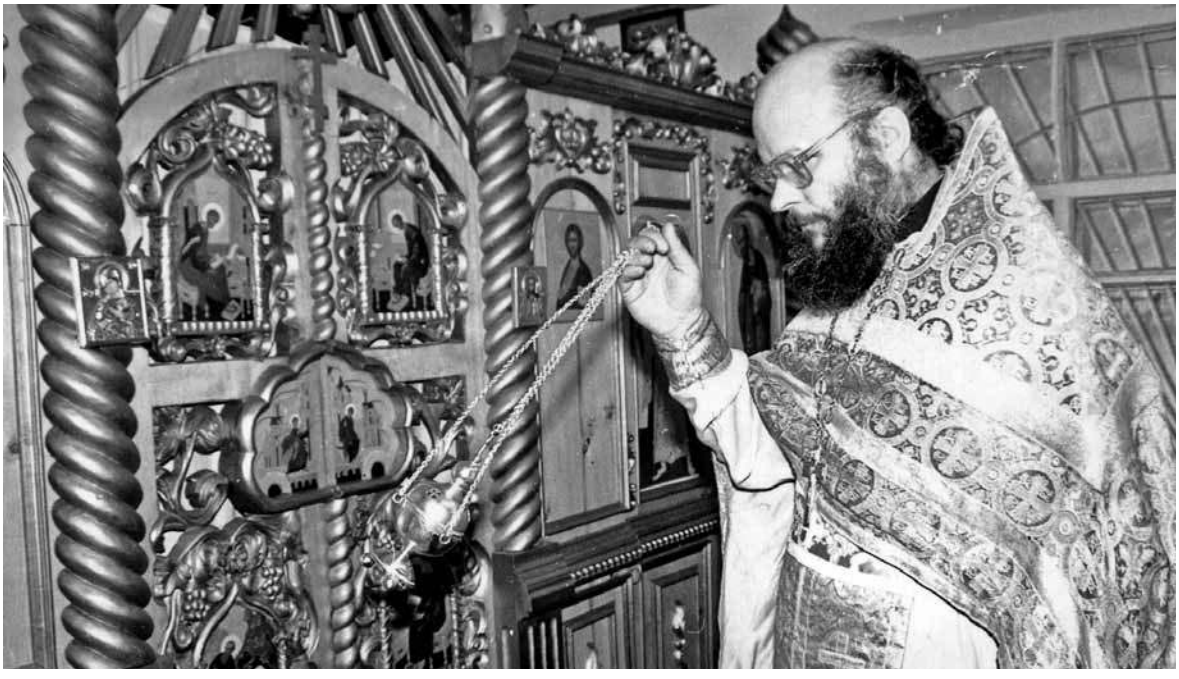
я порой меряю свою жизнь его жизнью: мерка велика, не по плечу. Но я все думаю, что я бы не выдержала, не смогла, запнулась бы где-то.

Мне кажется, что многое в жизни отца Михаила было как бы «вопреки» и «благодаря» в одно и то же время: увлечение религией как реакция на введенный и притом интереснейший курс научного атеизма в университете, возникшая любовь между ним и Галей Беловой как следствие спрятанных глаз и непротянутых рук товарищей, испугавшихся того, что тень отчисленного студента с сомнительными политическими взглядами вдруг нечаянно ляжет на них. Это банально, но любовь и вера действительно спасают от любого тлена и разрушения, нет просто еще сильнее противоядия. Неслучайна, наверное, эта напрашивающаяся параллель с судьбами декабристов, секрет выживаемости которых, быть может, крылся в их женах, как неслучайно, наверное, и то, что финальной точкой в служении отца Михаила стал храм во имя Николая Угодника, «уполномоченного» по вопросам странствий.

Единственное, о чем я жалею, так это о том, что отец Михаил не дождался, пока я вырасту, мне было бы о чем спросить его, а теперь по всем спорным позициям — прочерк, как в тетради на контрольной, к которой не подготовился. Я бы бежала за ним, как за уходящим поездом, и выкрикивала свои глупые, несуразные вопросы, а он отвечал бы только жестом, только взглядом, и я ловила бы их, как задыхающийся бегун ловит воздух в конце дистанции.

Но когда-нибудь я стану такой взрослой, что за одним овальным столом в квартире с выступающим эркером на Октябрьской будем опять сидеть все мы, красивые и веселые: отец Михаил, матушка, две девочки с итальянскими глазами, водитель Юрочка, Витя-звонарь, Родионов, моя молодая мама, сестра, я и много еще кто. Отец Михаил будет читать стихи поэтов Серебряного века, как читают только влюбленные первокурсники, цитировать историка Соловьёва, просить одну женщину спеть «Таганку», а когда она, наконец, запоет, смешно промокать лысину и рыдать в ладошку, отвернувшись; Родионов, конечно же, — острить и спорить, кто-то — тихо слушать. Но до этого мне нужно еще много пережить и перечувствовать.

И, наверное, неспроста то, что человек, который всю жизнь не любил электрические лампочки, там, в самом конце, увидел свет, совсем не страшный и совсем другой. И вообще, человек человеку свет, не сомневайтесь.



Знаменская церковь. 1993. Фото из архива семьи Капрановых

* * *

Пётр Анисифоров, архитектор, председатель правления Алтайской организации Союза архитекторов России:

– В 1988 году мы с другом архитектором Владимиром Золотовым готовили проект храма в Москве к конкурсу в честь 1000-летия крещения Руси. Храмовая архитектура привлекала меня со студенческих лет, потому что в ее простом, аскетичном облике всегда крылась какая-то особенная сила. Когда готовый макет стоял на столе, я понял, что его отправлять нельзя. С просьбой о помощи я обратился к другу Александру Родионову: «Представляешь, архитектурно все есть: расстояние, масштаб, а духовной силы нет». Александр Михайлович сказал, что в Барнаул как раз недавно приехал отец Михаил Капранов, высланный из Красноярска с «похвальной грамотой» за «отрицательное» влияние на писателя Виктора Астафьева. Я подумал, что это, получается, как орден тебе дали, — признали, что влияешь на великого писателя. Мне устроили встречу с отцом Михаилом. Недалеко от их дома играли дети в песочнице, ко мне подбежала девочка, дочка батюшки, протянула цветочек: «Вы — дядя Петя? Папа Вас ждет». Я невольно сравнил ее со своим сыном, удивился открытости и доброжелательности — бросить игру, чтобы поприветствовать незнакомого человека. Я понял, что

это другой мир. Я рассказал отцу Михаилу о своей проблеме, показал литературу, которую читал раньше. Батюшка в усы улыбается. Очень умные, с искоркой, глаза. Сказал, что не стоило читать эти книги русскому православному человеку, подобрал другие. Я воодушевился. Первый раз я общался со священником и понял, что в этом огромном историческом и культурном пласте ничего не понимаю. Со временем наши отношения переросли в искреннюю дружбу. Я очень благодарен ему за то, что он ввел меня в мир православия, и не только меня, но большой круг художников, писателей, которые собирались на курсах катехизации, в храме, у него дома. Отец Михаил — это целая эпоха.

Любовь Шамина, искусствовед, член Союза художников России:

– Для меня отец Михаил Капранов был, как ясное солнышко, появившееся на пустом горизонте. Мы познакомились с батюшкой в художественном музее, где я тогда работала директором. Отец Михаил был всесторонне образованным человеком, читал в музее лекции, и они всегда воспринимались с живым интересом. Батюшка очень любил живопись, был дружен с нашими художниками. Многие столкнулись с батюшкой в горе, например, художник Юрий Борисович Кабанов, как мне признался, сблизился с ним после потери сына. И именно с задушевных бесед с отцом Михаилом началось его духовное выздоровление. В конце 1998 года у меня самой случились четыре беды, одна за одной: погиб брат, мама, не пережив трагедии, тоже умерла, на второй день после маминых похорон погиб под колесами машины муж, мне пришлось уйти с работы в никуда. Не было сил, я обратилась к батюшке: «Что мне делать? Я умираю». Отец Михаил по-доброму посмотрел на меня и сказал: «Никакие лекарства в Вашей ситуации не помогут, Вам надо просто на колени перед Господом упасть». Но я была от этого очень далека, выросла в советское время. Мы были активными комсомольцами. Я честно ответила отцу Михаилу, что не смогу еще и потому, что мне иногда приходилось сталкиваться с некрасивыми поступками некоторых священников и у меня нет доверия к ним. Тогда он мне сказал, что нужно идти в церковь не к священнику, а к Богу и просить Его о помощи, а священники за свои грехи ответят сами. Он сказал, что я могу прийти просто в пустую церковь и общаться с Богом даже без слов, потому что с Богом можно общаться и молча. Я так и сделала, хотя вначале не верила в то, что действительно поднимусь и буду жить наполненной жизнью, но моя молитва помогла и жизнь наладилась. И отец Михаил стал частью моей жизни, у нас были замечательные отношения.

В тот год, когда у меня случилось несколько трагедий, батюшка побывал в Иерусалиме и привез мне оттуда маленький деревянный крестик, приложенный ко Гробу Господню. Я берегу его до сих пор и, когда молюсь утром и вечером, достаю, всегда вспоминая отца Михаила. И сейчас, когда говорю о нем, у меня в душе столько нежности, благодарности, добра. Я понимаю, что выжила благодаря сближению с ним.

Наталья Комарова, певчая клироса:

– Я познакомилась с отцом Михаилом в Покровском соборе. Он стал служить там после того, как приехал из Красноярска, а я пела на клиросе. К нему сразу потянулись прихожане. Батюшка ввел такую практику: после воскресной вечерней службы он отвечал на вопросы людей. Это были вопросы как по истории, культурологии, так и просто на бытовые темы, при этом отец Михаил всегда давал глубокие, даже мудрые ответы.

В конце концов, желающих получить знания стало очень много, и он вместе с отцом Александром Войтовичем организовал курсы катехизации, но слушателей все прибывало, их было больше, чем могло вместить здание при Покровской церкви. Кроме того, были открыты детская и взрослая воскресные школы. Вузы города стали пускать нас в свои аудитории для занятий.

В классическом университете на вновь созданном отделении теологии отец Михаил читал курс лекций. Батюшка очень радовался, когда за ним в церковь потянулись молодые семьи с детьми, студенты, и говорил: «Слава Богу! Мы рано или поздно уйдем, а за нами в церкви останется молодежь, которая продолжит наше дело». Когда его поставили настоятелем Никольской церкви, он пришел туда с уже сформированной православной общиной. Многие из его учеников были рукоположены в священники. Общиной Никольской церкви велась благотворительная деятельность: дети ездили с концертами в дома престарелых и детские дома, взрослые взяли шефство над тюрьмами и колониями. А как батюшка говорил проповеди! Не по бумажке, не заученно, а своими словами, которые шли из самого сердца. Одну притчу, услышанную на проповеди, я запомнила на всю жизнь: «Человек поднялся на гору и встал рядом с Господом. Смотрит вниз, а на песке остались глубокие следы от одной пары ног. По следам было видно, что идущему было очень тяжело. Человек тогда спрашивает: "Господи, шли-то мы вместе, а почему след один?" Господь отвечает: "Нет, это я шел один и нес тебя на руках"». После этих слов батюшка так искренне заплакал, что от слез не могли удержаться и все слушавшие его. Очень глубока была его вера, невозможно было не поверить вместе с ним, не пойти за ним вслед и не полюбить Господа и людей так же, как любил отец Михаил.

Протоиерей Александр Новопашин, настоятель собора во имя князя Александра Невского (г. Новосибирск):

– С отцом Михаилом Капрановым и с его семьей меня связывала тесная дружба, мы познакомились задолго до того, как он переехал из Красноярска в Барнаул. Отец Михаил — человек многогранный, прошедший через горнило испытаний, узник совести, очень эрудированный, тонко чувствующий, интеллигент, подвижник правды Божией. Он был настоящим пастырем, не тем, кто служит от сих до сих и совершает требы, а действительно нес пастырское служение не только словом, не только внешним отличием в ношении священных одежд, но всей своей жизнью. Я не знаю ни одного человека, кто бы равнодушно или недоброжелательно отозвался об отце Михаиле. Мне приходится много ездить по стране, и когда люди узнают, что я служил в Барнауле и знал отца Михаила, они буквально расцветают в улыбке, о нем многие слышали. Отец Михаил без остатка отдавал себя Церкви Христовой, не теряя ответственного отношения к своей семье, а мы знаем, что в нашем бурном мире бывает так, что человек отдает всего себя какому-то делу, а близкие страдают от недостатка внимания, но отца Михаила действительно хватало на все.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материала семье Капрановых, Антонине Батюк, Фёдору Клименко.